

РОССИЯ в осени и в неурожайном паде-нии, с урожаем пло-хо, и впереди сквер-ная зима. Однако один человек утверждает: он знает выход.

«Голод надвигается... Рос-сии грозит неминуемая ката-строфа... Все это признают. И ничего не делается», — пи-сает в своих записках рус-ский, вернувшийся из эми-грации, — Ленин.

Доклад Ленина звучит все-ма похоже на точные описа-ния нынешней советской дей-ствительности, выход из кото-рой, кажется, больше невоз-можен. А параллель эту об-наруживает эмигрант наших дней — Александр Солжени-цын, писатель «сильных выра-жений» в критике советского тоталитаризма.

Режим, который ныне тер-пит крах, в 1974 году выво-дил его самого за пределы страны. Не так давно Прези-дент СССР Горбачев восстано-вил его в правах гражданства, путь домой открыт, однако Солженицын на родину не вернулся.

Политический оппонент Гор-бачева Борис Ельцин, прези-дент части Советского госу-дарства — РСФСР, поручил своему премьеру Силаеву на-писать письмо «большому сы-ну русского народа», напоми-ну ему об «общей любви к многострадальной русской зе-мле». Солженицын, удивляясь народу, который свергает идолов, тем не менее упорст-вует, оставаясь в своем аме-риканском изгнании.

Мудрец, живущий вдалеке от «русской Малайзии» и в строгой самоизоляции, впе-рвые выносит приговор усили-ям Горбачева — допустить кон-курирующие партии, дать сво-

Почему наша пресса «замолчала» яркое и многоплановое произведение о России

«ТЕПЕРЬ ШИИ Е прошепелыги умеют только отрицать», — написал когда-то будто про наше смутное время в своем «Фа-усте» немец Гете.

Прошепелыги журнали-стов из «Шпигеля» не назо-вешь. Напротив, люди они весьма основательные: о сла-вянофилах осведомлены, Ле-нина читали, о Горбачеве, Солженицыне судят хоть и со «своей колокольни», но с пониманием — что есть и от-куда взялось. Я бы даже противопоставил их иным на-шим доморощенным нигили-стам и ниспровергателям, го-товым с легкостью необыз-новенной «выбросить на свалку» чуть ли не весь ку-сок отечественной истории, начиная с 17-го года, саму революцию списать в архив, Ленина объявить «полити-ческим Сусаниным»...

Конечно, нам еще придет-ся пошевелить мозгами, за-ново проанализировать и пе-реосмыслить многие собы-тия исторического процесса и Ленина «новым взглядом» перечитать придется — с этим никто спорить не соби-рается. В данном случае речь о Ленине как о «долго-играющем» герое западной прессы, идеологе, полемик-а и борба с ним длится не одно десятилетие, и конца-края ей не видно. А тут та-кой «подарочек» коллегам с Запада! Неожиданный под-держки, и откуда — из са-мой Советской России. Каза-лось бы, журналистам из «Шпигеля» сам бог велел теперь по-новому разыграть «ленинскую карту», в два счета сделать из вождя ре-волюции «политического по-койника», отпеть — и дело с концом.

Ан нет! Русскими в ФРГ принято называть прак-тически всех граждан нашей страны. Исследованию пси-хологии, менталитета рус-ских тот же «Шпигель» по-святил не одну свою публи-кацию. Наши максимализм и склонность к крайностям слишком хорошо известны на Западе. Немцев всегда удивляло то, как в России буквально следовали учени-ям Гегеля, Маркса, в то вре-мя как на родине этих мы-слителей понималась относи-тельность их учений. То Россия объявляет миру о том, что она стоит «на поро-ге коммунизма», только дверь отворяет — и «там», то изумленные немцы ушам своим не верят: у русских полная аллергия не только к коммунизму, но и к социа-лизму! Что же получается? Западная Европа по-прежнему «кишит» социалиста-ми, а у русских на родине он «кончился» совсем? Или последний сюрприз: в новом проекте Конституции извест-ная всему миру Советская Россия — больше не совет-ская и не социалистическая, Российская Федерация — и все тут...

Авторитетный «Шпигель»

боду прессе и либерализовать экономику.

Для великого и далекого Солженицына все это ненуж-ные вещи. Его вердикт: «А на что ушло пять, скоро шесть лет многошумной «перестрой-ки»? На жалкие внутрицеха-ные перестановки. На склепку уродливой искусственной из-бирательной системы, чтобы только компартии не упустить власть».

Гласность, плюрализм мнений, партии и газеты — к это-му Солженицын, кстати, ни-когда не испытывал располо-жения — напоминают ему фев-раль 1917-го, когда пал ца-ризм, править стали либералы и социалисты, и Россия, по оценке другого противника плюрализма — Ленина, стала свободнее любой другой стра-ны, самой свободной в мире.

Согласно Солженицыну, тогда грянула «духовная ка-тастрофа». Значит, как и се-годня?

Солженицын: «Вот, в кипе-нии митингов и нарождающих-ся парток мы не замечаем, как наткнули на себя балаган-ные одежды. Февреля — тех зловещих восьми меся-цев Семнадцатого года». И де-лает вывод как старый боль-шевик: «Анархия — это пер-вая гибель, как научил нас 1917 год».

«Долгий герой «свободно-го мира» Солженицын ходит-таеует в пользу цензуры, страдает: «В сегодняшнем ми-ре — все больше разных га-зет, и каждая из них все пух-лей, и все наперебой лезут перегрузить нас». Будто то-скуп по правде в стиле газе-ты «Правда», он послал свое произведение с критикой пе-рестройки в московскую пар-тийную газету «Комсомоль-ская правда».

Другое дело — отношение к Солженицыну. Предложив

делает, как мне видится, оп-ределенную поправку на «странность русских». Для журнала, исповедующего ана-литичную, так называе-мую ассоциативную публи-цистику, как мы видим да-же из одной переведенной статьи, Ленин был и по-прежнему остается крупной и многозначной исторической фигурой, с которой, хо-чешь не хочешь, прихо-дится продолжать серьезный диалог. Так что с этой точки зрения в перепечатанной на-ми статье из «Шпигеля» но-вого ничего нет.

Другое дело — отношение к Солженицыну. Предложив

«НЕУДОБНЫЙ» МУДРЕЦ

читателям «Рабочей трибу-ны» перевод статьи, мы на-меренно оставили за скоб-ками несколько строк из ано-са «Шпигеля», которые зву-чат так:

«Солженицын — спаситель России? Первые большой русский писатель в ссылке рассуждает о перестройке и выносит ей нелицеприятный приговор. Программа Солже-ницына реакционна: России нужны не капитализм и пар-ламентаризм, а сильная ру-ка».

Неблагодарный Запад! Сол-женицын, мощный критик советской тоталитарной си-стемы, столько лет кормил западных газетчиков, под-брасывая им пишу для ста-тей, комментариев, исследо-ваний... А сколько издате-лей обогатил: произведения Александра Исаевича в боль-шом выборе названий и по сей день предлагаются в книжных лавках Бонны, Мюн-хена, Гамбурга...

Может показаться, что именно в трактате «Как нам обустроить Россию» Солже-ницын впервые открыл За-паду свое истинное лицо, впервые сказал напрямую о том, что капитализм для не-го тоже не идеал справед-ливого общества, пролил не-стальгические слезы по Рос-сии — в духе славянофилов. А раз так, то Запад, вроде может показаться, объявил Солженицыну о своем «ми-ровоззренческом разводе» с ним. Впервые объявил.

Ничего подобного. «Не вверьтесь». В 1977 году, при-ехав работать корреспондент-ом в Бонн, я поинтересовал-ся у западногерманских кол-лег: как, мол, тут у вас ко-тируется Солженицын? И ус-лышал по меньшей мере странный ответ. Книги Сол-женицына и сам писатель как личность и гражданин, носитель определенного типа культуры как бы занесены на Западе в разные «бухгал-терские книги». Автор «Гу-лага», пояснили мне далее, скептически оценил иные

Премьер Силаев лично по-завалился о фондах бумаги, и вот молодежная «Правда» публикует «поисильные сообра-жения великого русского пи-сателя и мыслителя» в каче-стве специального приложе-ния и тиражом 22 млн. экзем-пляров. То же сделала на сле-дующий день «Литературная газета» с тиражом 4,5 млн. экземпляров. Заглавие го-произведения — «Как нам об-устроить Россию».

«Грозная катастрофа и как с ней бороться» — заголовок брошюры Ленина, написанной в сентябре 1917-го, в которой идет речь о падении социаль-но-либерального правительст-ва, о государственном контро-ле над банками и большими предприятиями, всеобщей тру-довой обязанности и карточ-ках на продукты питания.

Баланс, что же из всего это-го получилось, Солженицын выводит, прибегая к художе-ственным образам — тут он мастер: «Семьдесят лет вла-чать за слепородной и злока-чественной марксо-ленинской

утопией, мы положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной Отече-ственной войны — треть своего на-селения и мыслителя» в каче-стве специального приложе-ния и тиражом 22 млн. экзем-пляров. То же сделала на сле-дующий день «Литературная газета» с тиражом 4,5 млн. экземпляров. Заглавие го-произведения — «Как нам об-устроить Россию».

Из тех, кто должен остаться, по его мнению, в Союзе — это три славянских народа (русские, украинцы, белору-сы), сюда же должны прики-нуть часть территории Казах-стана. То, что «дрейфующая Украина» может стать незави-симой — с этим Солженицын считаться не хочет.

След за устранением мно-гонационального государства Солженицын видит и устране-ние КПСС (правда, сам Горба-чев олицетворяет для него последний фактор порядка в стране).

Солженицын предлагает но-вую государственную структу-ру: земства — система местно-го самоуправления, как в цар-ское время, без выборов на многопартийной основе и без парламента.

А кому же править стра-ной? «И вот уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам еще на немалые годы окажет-ся полезным», — считает Сол-женицын.

То, что он рекомендует, близко к намерениям Горба-чева. Экономика на воору-жениях и помощи развиваю-щимся государствам, сокраще-ние поставок нефти для Восточ-ной Европы. Жалаясь на то, что у людей пропало желание к земледелию, Солженицын, тем не менее, стоит за част-ную собственность в сельском

хозяйстве, правда, без права продажи земли спекулянтам, акционерным обществам и иностранцам.

В понимании того, как рус-ский народ может прокорми-ть себя, он близок к Лени-ну в 1917-м и Горбачеву в 1990-м. Литератор мечтает об идиллии доиндустриального об-щества: контроль над банка-ми, «твердо ограничить зако-нами возможность безудерж-ной концентрации капитала», «нельзя допустить напор соб-ственности и корысти — до социального зла, разрушаю-щего здоровье общества».

Собственно, от этого всего и предостерегал Горбачев Вер-ховный Совет страны, говоря о задачах перехода к рыноч-ной экономике. Частная собст-венность начнет играть су-щественную роль только в о-граниченных сферах, в целом же ее роль в обществе будет ограничена.

Следуя Солженицыну да-лее: «Не должна быть каба-льная раздача иностранным ка-питалистам ни наших недр, ни поверхности нашей земли, ни, особенно, лесов». Копия чуж-его хозяйственной системы, с его точки зрения, стала бы гу-бительной для России. Нельзя впадать в «беспаметство», по-ренимая все подряд с Запа-да, считает писатель.

Примерно таких мыслей придерживались и национали-сты-«славянофилы», кото-рым противостояли свободо-мыслящие «западники». Раз-ногласия у русских, какой особой дорогой должна пойти Россия, вот уже два столетия.

Солженицын — славянофил. Из-за таких, ему подобных, задерживается открытие Рос-сии Западу и его напряжен-ному капиталистическому рын-ку.

— к такому выводу приходит

западногерманский журнал

«Шпигель», анализируя

политико-философский трактат

известного писателя «Как нам

обустроить Россию»

Солженицын, эмигрирова-вший в уединенность амери-канской цивилизации, порицает «исторический железный за-навес» за то, что он будто бы не оказался достаточно проч-ным. Он, правда, не отрицает того хорошего, что есть на Западе, — уважение к лично-сти, всеобщее благосостоя-ние... Однако, по его мнению, «знавеш» не доходил до са-мого-самого низу, и туда под-текала названная жижка распу-щенной опустившейся «поп-масс-культуры».

То есть Солженицын еди-нодушен с Горбачевым, кото-рый из предложений Запада выбирает для своей страны высокий жизненный уровень, но при этом, по меньшей ме-ре, остается в рамках русской идеологии. Это подтверждает и книга Горбачева «Перест-ройка», вышедшая в 1987 го-ду, где можно прочесть и об опасности, нависшей над европеейской культурой, опасно-сти, которая исходит от мас-совой культуры, проникающей через Атлантику.

Платить подобную цену за блага цивилизации, по мнению соотечественника Горбачева Солженицына, нельзя: чистота социальных отношений — это, мол, нечто более существен-ное, чем изобилие.

Отказ от благосостояния на-рода... Выдвигая такую ограни-ченную для страны перспек-тиву в 1917-м, Ленин аргумен-тировал свой подход тем, что надо спасти страну. В случае если не получится, не удес-но потом огнать экономиче-ски развитые страны, даже пе-регнать их — а этого не про-изошло — альтернативой, со-гласно Ленину, может стать только падение.

«Шпигель», № 39 за 1990 г.

Почему к «российским строкам» писателя-соотечественника не грех обратиться в эти дни

большой опыт отечественной истории и примеряющая этот опыт к нынешнему дню стра-ны. Прозвительно-интересная работа как с политической точки зрения, так и с фило-софской, с нравственной — тем более. Президент четко уловил, что промолчать нельзя. А другие? Как же ее не разглядела, допустим, прес-са, скорая на перо, когда нужно поднять на щит те или иные сомнительного со-держания идеи? Пресса, думаю, у нас не слепая — когда нужно, все замечает, а когда «не нужно», может сделать вид: ничего интерес-ного — промолчать и замол-

отношусь как к мудрому фило-софскому литературному произведению», — еще одно мнение народного депутата СССР академика В. А. Тихо-нова. Так и условным. Каж-дый, поскольку у нас разные взгляды на перестройку, на возможные пути обновления общества, возьмет и отметит в трактате Солженицына свое. Возможно, кому-то его взгляды на демократию, пар-тию, власть покажутся не-современными, но и такие читатели, я полагаю, не оста-нутся в умственном и душев-ном накладе, следуя за пове-стованием писателя. А за-вершая на свою вещь крат-кой главой «Давайте искать», где предупреждает, что «раз-умное и справедливое по-строение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть до-стигнуто только очень посте-пенно, рядом последователь-ных приближений и нащупы-ваний». В основу предлагае-мой работы, сообщает ав-тор, положены мысли мно-гих русских деятелей разной поры. И за это напоминание тоже — о том, что мы «не из протрибы» взялись», — Солженицын наш поклон.

Вещь Солженицына не «для разового чтения», ее актуальность и цена, дол-госрочные сами по себе, воз-растают именно в эти дни, когда на проходящем в Моск-ве Съезде народных депута-тов РСФСР закладываются основы новой — суверенной России, голосуются докумен-ты, по которым не только нам с вами — нашим детям и внукам проходить свой «жизненный круг». Не про-махнулись! — обращаемся мы к власти вершинам. Наложите произведение Сол-женицына «Как нам обустро-ить Россию» на проект Кон-ституции и другие проекты: совместимы ли они по ощу-щению своего долга перед народом, одинаково ли про-изваны таким же чувством боли и ответственности за судьбу России, как это мы находим у Солженицына в каждой его «русской стро-ке»? Голосуй, мучайтесь со-вестно — она всегда подка-зывала выход россиянам, когда им в тяжелые минуты истории приходилось делать выбор...

Впрочем, кое-какие оцен-ки в прессе у нас были де-ланы. Кое-кто из коммента-ров обнаружил в труде «Как нам обустроить Россию» им-перское мышление Солжени-цына. Это, я понимаю, отно-сится к той части его рабо-ты, когда он рассуждает о Российской Империи трех наро-дов — «малороссов, велико-россов и белорусов», кото-рые останутся «за вычетом двенадцати республик», если те захотят всеерьез отделе-ть. Мне кажется, не стоит понимать писателя букваль-но. Просто в такой форме он выразил чувства многомил-лионного русского населения, живущего в республиках СССР — те чувства, о кото-рых мы, русские, из деликат-ности молчим. Русскоязыч-ных попрекают, клеймят, их «гонят прочь» с обжитых

маркой акционерных об-ществ, организаций, коопе-ративов могли бы скупать ла-тифундизм, тем более, не про-давать наделы иностранцам. Как хочешь тут Солженицы-на называть: консерваторм, реакционером, патриархаль-чиком — он в своем есте-стве, русский до слез. Любовь Солженицына к России «не приобретенная», как у иных парламентариев и демократов «новой волны», а «врожден-ная». Сильное нравственное чувство и забота о духовном здоровье народа подсказыв-ают ему рецепты, прямо противоположные рекоменда-циям радикальных экономис-тов. И уверен, Солженицын прекрасно знает практику голландских, американских фермеров ФРГ, у которых зерно льется рекой. Но поче-му то наш «заокеанский со-ветчик» держит в уме и Н. Бердяева, который нам завещал: «Русским крестья-нам всегда были чужды по-нятия римского права о соб-ственности. Крестьяне счита-ли, что земля Божья, т. е. ничья в человеческом смыс-ле... Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому на-роду, особенно великороссам, благодаря существованию об-щины».

Надо отдать должное Гор-бачеву: он с ходу дал полити-ческую оценку трактату Сол-женицына «Как нам обустро-ить Россию». Ведущие политики РСФСР — Ельцин, Силаев и другие промолчали. Пресса не проявила активнос-ти, ушла от серьезного об-суждения солженицынского произведения. Очевидно, под предлогом, что, раз его «вещь» опубликована в «Комсомолке» и «Литератур-ке», пусть, мол, эти издания сами выносят оценки, так сказать, «по ведомственной принадлежности». А вещь-то обращена ко всей России, ко всем россиянам, людям всех национальностей.

Вещь — многоплановая, глубинная, аккумулирующая

квартир, будто это они, про-стые люди, а не тоталитар-ная система виновата в бе-дах людей коренной нацио-нальности. Обидно глядеть на поток русских беженцев из республик, тяжело думать, что гонимыми придется еще многим стать. Насильно мил не будешь! — максимализм Солженицына, я понимаю, это вовсе не руководство к действию при заключении Союзного договора, а напоми-нание о достоинстве, чувстве гордости соотечественников, которые всегда были скло-ны к самопожертвованию и терпению, но ведь могут и стукнуть по столу кулаком.

«К работе Солженицына я отношусь как к мудрому фило-софскому литературному произведению», — еще одно мнение народного депутата СССР академика В. А. Тихо-нова. Так и условным. Каж-дый, поскольку у нас разные взгляды на перестройку, на возможные пути обновления общества, возьмет и отметит в трактате Солженицына свое. Возможно, кому-то его взгляды на демократию, пар-тию, власть покажутся не-современными, но и такие читатели, я полагаю, не оста-нутся в умственном и душев-ном накладе, следуя за пове-стованием писателя. А за-вершая на свою вещь крат-кой главой «Давайте искать», где предупреждает, что «раз-умное и справедливое по-строение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть до-стигнуто только очень poste-пенно, рядом последователь-ных приближений и нащупы-ваний». В основу предлагае-мой работы, сообщает ав-тор, положены мысли мно-гих русских деятелей разной поры. И за это напоминание тоже — о том, что мы «не из протрибы» взялись», — Солженицын наш поклон.

Вещь Солженицына не «для разового чтения», ее актуальность и цена, дол-госрочные сами по себе, воз-растают именно в эти дни, когда на проходящем в Моск-ве Съезде народных депута-тов РСФСР закладываются основы новой — суверенной России, голосуются докумен-ты, по которым не только нам с вами — нашим детям и внукам проходить свой «жизненный круг». Не про-махнулись! — обращаемся мы к власти вершинам. Наложите произведение Сол-женицына «Как нам обустро-ить Россию» на проект Кон-ституции и другие проекты: совместимы ли они по ощу-щению своего долга перед народом, одинаково ли про-изваны таким же чувством боли и ответственности за судьбу России, как это мы находим у Солженицына в каждой его «русской стро-ке»? Голосуй, мучайтесь со-вестно — она всегда подка-зывала выход россиянам, когда им в тяжелые минуты истории приходилось делать выбор...

Впрочем, кое-какие оцен-ки в прессе у нас были де-ланы. Кое-кто из коммента-ров обнаружил в труде «Как нам обустроить Россию» им-перское мышление Солжени-цына. Это, я понимаю, отно-сится к той части его рабо-ты, когда он рассуждает о Российской Империи трех наро-дов — «малороссов, велико-россов и белорусов», кото-рые останутся «за вычетом двенадцати республик», если те захотят всеерьез отделе-ть. Мне кажется, не стоит понимать писателя букваль-но. Просто в такой форме он выразил чувства многомил-лионного русского населения, живущего в республиках СССР — те чувства, о кото-рых мы, русские, из деликат-ности молчим. Русскоязыч-ных попрекают, клеймят, их «гонят прочь» с обжитых

маркой акционерных об-ществ, организаций, коопе-ративов могли бы скупать ла-тифундизм, тем более, не про-давать наделы иностранцам. Как хочешь тут Солженицы-на называть: консерваторм, реакционером, патриархаль-чиком — он в своем есте-стве, русский до слез. Любовь Солженицына к России «не приобретенная», как у иных парламентариев и демократов «новой волны», а «врожден-ная». Сильное нравственное чувство и забота о духовном здоровье народа подсказыв-ают ему рецепты, прямо противоположные рекоменда-циям радикальных экономис-тов. И уверен, Солженицын прекрасно знает практику голландских, американских фермеров ФРГ, у которых зерно льется рекой. Но поче-му то наш «заокеанский со-ветчик» держит в уме и Н. Бердяева, который нам завещал: «Русским крестья-нам всегда были чужды по-нятия римского права о соб-ственности. Крестьяне счита-ли, что земля Божья, т. е. ничья в человеческом смыс-ле... Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому на-роду, особенно великороссам, благодаря существованию об-щины».

Надо отдать должное Гор-бачеву: он с ходу дал полити-ческую оценку трактату Сол-женицына «Как нам обустро-ить Россию». Ведущие политики РСФСР — Ельцин, Силаев и другие промолчали. Пресса не проявила активнос-ти, ушла от серьезного об-суждения солженицынского произведения. Очевидно, под предлогом, что, раз его «вещь» опубликована в «Комсомолке» и «Литератур-ке», пусть, мол, эти издания сами выносят оценки, так сказать, «по ведомственной принадлежности». А вещь-то обращена ко всей России, ко всем россиянам, людям всех национальностей.

Вещь — многоплановая, глубинная, аккумулирующая

Юрий МАКАРЦЕВ, политический обозреватель.